

М. Нике
(Франция)

ФИЛОСОФИЯ ВОЛИ У ГОРЬКОГО И БАЛЬЗАКА

Высказывания Горького о Бальзаке хорошо известны. Подробнее всего о французском писателе Горький говорил в повести «В людях» и в статье 1928 г. «О том, как я учился писать». Оценка роли Бальзака в формировании литературного вкуса молодого Горького восходит в обоих текстах к ответу Горького на анкету Общества друзей Бальзака, напечатанному в 1911 г. во французском журнале *La Revue*, и впервые переведенному на русский язык в 1927 г. После увлечения «бульварными» и авантюрными романами, Бальзак открыл Горькому «большую», настоящую литературу (он дважды читал двадцатитомное собрание сочинений Бальзака 1896–1899 гг.). У Бальзака Горький нашел неоднозначное отношение к человеку, который всегда сочетает в себе и хорошее, и плохое (благодаря ему Горький стал лучше понимать своего жестокого и скупого деда (24, 484)). В эстетическом плане Бальзак показал Горькому искусство описания словами. «Хаотический шум» обрывков разговоров в ресторане «Вена» напоминает Климу Самгину пир у банкира Тайфера в «Шагреневой коже». Горький доводит до крайности бальзаковский прием, облик героев нивелируется, звучат лишь их реплики (22, 340; 21, 420): получается какофония, отражающая пустоту и пошлость сонма столичных литераторов. Притом объективность, которую Горький ценит у Бальзака, не исключает определенной авторской позиции (25, 23).

У Бальзака Горький еще оценил искусство типизации:

«Необходима типизация. Брать надо мелкое, но характерное, и сделать большое и типичное — вот задача литературы. Если вы возьмете крупные произведения хотя бы только XIX века, то увидите, что литература к этому стремилась и этого отлично достигла у больших людей, как, например, Бальзак, которого часто называют, но плохо знают» (26, 224).

Горький любил повторять (уже в 1895–1896 гг.) выражение Бальзака (из «Шагреневой кожи») «глупо как факт» (23, 18, 185), (24, 250). Против «фактов» надо бороться (2, 198). Дело искусства — превращение

факта из «ноумена» в «феномен» «путем толкования и исследования» (23, 185)¹: «Мысль приходит после факта» (24, 409).

На типологические или мотивные сходства между «романами воспитания» Горького и Бальзака указали советские литературоведы. Щуров («Фома Гордеев») напоминает Вотрена, Илья Лунев («Трое») напоминает Шардона и Растиньяка². В письме Ромену Роллану от 5 апреля 1928 г. Горький сам говорит о духовном родстве Тихона Вялова («Дело Артамоновых») с «Пейзанами» Бальзака. В 1929 г. Горький дважды рекомендует этот в общем антикрестьянский роман для издания массовым тиражом.

Все это известно горьковедам, потому нам хотелось бы указать на одну возможную параллель между Горьким и Бальзаком. Речь идет о теме воли, которая проходит красной нитью через все творчество и через всю деятельность обоих писателей.

Рассказы о «людях сильной воли» привлекали молодого Горького в книгах Диккенса и Бальзака, в исторических романах Энсвортса, Бульвера-Литтона, Дюма-отца. Их он противопоставлял «людишкам», окружающим его (24, 479). Дело писателя — «усилить волю человека к жизни» (24, 471).

Если в ранних героях преобладала воля как своеволие, жадность к жизни, то впоследствии Горький проповедует волю как творческую энергию, действие, «действие»³. Воля у него всегда сочетается с разумом (24, 172, 218, 298; 25, 27, 36, 76; 26, 150). Воля и разум должны быть направлены на преобразование мира: надо «организовать энергию» (26, 376, 414). Бесконечно расширять «область приложения энергии человека в борьбе с природой, [чтобы] поработить силы природы интересам и воле человека» — таков «боевой клич европейца, уверенного в творческой силе воли своей, разума своего»⁴.

В статьях советского периода суть энергетизма Горького не меняется. Он объясняет присоединение писателя, после известного противостояния, к созидательной волевой политике Ленина и Сталина (ср. преклонение Бальзака перед Наполеоном, — «чудесным явлением воли»). Он обусловливает и неприятие христианства, которое якобы парализует волю человека, и негативное отношение Горького к мужику с его «зоологическими инстинктами»⁵.

Действие, «пафос действия» как продукт воли везде противопоставляется Горьким пассивности, безволию, пессимизму, и сильные, бунтующие личности — пассивным мещанам или скучающим интеллигентикам. Рассудок без воли ведет Самгина к краху. В третьем томе романа

ему противостоит хлыстовка Марина Зотова, в слова которой вложены многие задушевные мысли самого Горького о рассудке, воле и инстинкте⁶: «Вопросы-то решаются разумом, а не волей» (21, 227). У Горького же воля и разум равнозначны и нерасторжимы.

Бальзак, волей которого восхищался Горький⁷, рисует все проявления воли, от низших до высоких, духовных («Серафита»). Волю к власти, по ту сторону добра и зла, олицетворяет де Марсе. В «Пейзанах» показаны инстинкты крестьян. Неравновесие между разумом и волей порождает, как у Горького, слабоволие, нерешительность (художник Виньян [«Беатриса»]). Клим Самгин напоминает порой Биротто со своими афоризмами и умственной деятельностью впustую. В «Разрушении личности» Горький объясняет слабоволием неудачу Шардона (В «Утраченных иллюзиях»), которого он путает с Растиньяком (24, 45–46).

Но больше всего Горького и Бальзака сближает их представление о воле как о физической силе. У Бальзака она изложена главным образом в повести («поэме») «Луи Ламбер». Ее одноименный герой (во многом автобиографичен), «химик воли», сочиняет «Трактат о воле». «Теорию о воле» написал и Рафаэль, герой «Шагреневой кожи», с которой началось знакомство Горького с Бальзаком (по свидетельству 1911 г.).

Воля и мысль, которая является «квинтэссенциальным продуктом» воли, понимается Бальзаком как материальная физическая сила, подобная «флюиду» или электричеству⁸. Как и для Горького воля — не свое-волие (как у Достоевского), а энергия, от которой происходят наши мысли⁹. Воля — первичная: для того, чтобы мыслить, надо хотеть», — говорит Ламбер.

В 1922 году Горький записывает: «Углубление материализма до идеи: материя = энергия, а высшее качество энергии — мысль и воля человека»¹⁰. Для Горького мысль — «результат диссоциации атомов мозга» (15, 331).

Горький и Бальзак одинаково верят в материальность воли-энергии. Воля может победить время и пространство. Бальзак объясняет чудеса Христа магнетизмом; мысль выделяет эманации, которые имеют действенную силу — творческую, чудотворную, но иногда и убийственную («Урсула Мируэ»). У Горького самый яркий пример силы коллективной воли — исцеление паралитички в конце «Исповеди». В «Разрушении личности» сила коллективной воли способна почти что материализовать умершего героя: «Все воли, направленные с одинаковой силой на воспоминание о погившем, делали это воспоминание центром своего пересечения, и, может быть, коллектив даже ощущал присутствие в своей

среде героя, только что созданного им» (24, 29). Сила мысли и телепатии показана в повестях Бальзака «Новобранец», «Урсула Мируэ» и в пьесе Горького «Дети солнца» (см. предчувствие Лизы в IV акте). Для Горького прогресс человечества состоит в превращении физической энергии в духовную, в накоплении мозгового вещества: «Человек – аппарат, который претворяет в себе так называемую «мертвую материю» в психическую энергию и когда-то, в неизмеримо отдаленном будущем, превратит весь «мир» в чистую психику <...> Ничего кроме мысли, не будет» (15, 331; 24, 79). О том же самом мечтал Сведенборг (на которого Бальзак ссылается в «Луи Ламбер» и в «Серафите»), когда он говорил о необходимой победе «внутреннего человека» над внешним, материальным существом.

Разница между Горьким и Бальзаком состоит главным образом в коллективном характере воли у Горького и в его отрицательном отношении к официальной религии. Бог мыслится им только как представление и воля человека, создание коллективного духа народа (богостроительство, религия человечества). У Бальзака же одухотворение материи не устраивает христианского Бога.

Философия Горького еще мало изучена. Его философия воли восходит к Шопенгауэр, Ницше, Марксу, Гартману, Богданову, Остwaldу и другим мыслителям. Сходное во многом у Бальзака и Горького понятие воли как энергии имеет не только философские (у Бальзака – Сведенборг, Месмер и др.), но и научные источники. Оба писателя следили за наукой своего времени, общались с учеными-физиологами и медиками. Известен интерес Горького к Институту экспериментальной медицины, явлениям «психофизической энергии» и «психофизической эманации» (16, 124). Об В. Оствальде, авторе книг «Энергия», «Всемирный ум» и лауреате Нобелевской премии по химии в 1909 г. упоминают М. Агарский и Л. Спиридовон¹¹. На примере Бальзака Горький сближает творческую интуицию писателя и ученого:

«Гонорий Бальзак, один из величайших художников, француз, романист, наблюдая психологию людей, указал в одном из своих романов¹², что в организме человека, наверное, действуют какие-то мощные, неизвестные науке соки, которыми и объясняются различные психофизические свойства организма. Прошло несколько десятков лет, наука открыла в организме человека несколько ранее неизвестных желез, вырабатывавших эти соки — «гормоны» — и создала глубоко важное учение о «внутренней секреции». Таких совпадений между творческой работой ученых и крупных литераторов — немало» (24, 468).

Горький и Бальзак интересовались не только наукой, но и паранаяками и парапсихологией: оккультизмом, магнетизмом, мистицизмом. Горький интересовался еще и гностицизмом, и теософией, и сектантством. Во всех этих учениях вопросы воли, разума, инстинкта — кардинальны. Здесь открыто большое неоженное поле для совместных исследований философов и горьковедов.

Философия воли является одним из важных звеньев, связывающих, помимо эстетических принципов, Горького с Бальзаком.

Примечания

1. Термины «ноумен» и «феномен» — явные отголоски философии Шопенгауэра (и Канта), у которого они обозначают соответственно умопостигаемое и постигаемое чувствами, данное в опыте. Но не перепутал ли их Горький?
2. См.: Михайловский Б.В. Творчество Горького и мировая литература. М., 1965. С. 214, 215, 311. В сноске на с. 311 автор отмечает (вслед за Л. Гроссманом), что «в первопечатной редакции «Отца Горио» Растиньяк, похоронив папашу Горио, шел не к Дельфин Нусинген, а в дом Тейфера, чтобы воспользоваться смертью его сына (убитого по указанию Вотрена) и жениться на богатой невесте, дочери Тейфера». Так и было в переводе «Библиотеки для чтения» 1835 г., но ни в одной французской версии романа такого финала нет.
Статья Слащева Е. Горький и Бальзак// XXIII Герценовские чтения. Филологические науки. Л., 1970. С. 20–22. – незначительна.
3. «В начале было действие»: Горький любит изречение Фауста, направленное против пролога Евангелия от Иоанна (см. «Несвоевременные мысли» от 18 апреля (1 мая) 1917 г.; письмо Уэллсу от 22 мая 1920).
4. Максим Горький: *Pro et contra*. СПб., 1997. С. 97–98.
5. Отношение Горького к мужику на самом деле более сложно. См.: Зайцева Г.С. О методологии и перспективах исследования «Проблемы крестьянства» в творчестве М. Горького // Горьковские чтения 2000 года. Н. Новгород, 2002. С. 13–20.
6. См.: Нике М. К вопросу о хлыстовстве Марины Зотовой из «Жизни Клима Самгина» // Горьковские чтения 1997 года. Н. Новгород, 1998. С. 54–59.
7. В кн. Р. Бенжамена о Бальзаке (Л., 1928), которую ему послал Крючков по его просьбе, Горький отметил абзацы, посвященные целеустремленности Бальзака (Островская С. Рукой Горького. М., 1985. С. 33–34).
8. Слово воля встречается 343 раза в «Человеческой комедии». См. конкорданс Бальзака: <http://lolita.unice.fr/-brunet/BALZAC/balzac.htm>.
9. См.: Ferguson M.B. La volonté dans la «Comédie humaine» de Balzac. Paris, 1935; Peres J. Lemysticisme de la volonté chez H. de Balzac// Mercure de France. 1-VII-1908. С. 5–22.